

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. В. ГОГОЛѢ.

1848—1852.

Въ первый разъ встрѣтился я съ Гоголемъ у С. П. Шевырева въ концѣ 1848 года. Было нѣсколько человѣкъ гостей, принадлежавшихъ къ московскому кружку литераторовъ, которыхъ называли славянофилами. Сколько могу припомнить, всѣ они были приглашены на обѣдъ для Гоголя, только-что воротившагося изъ Италіи и находившагося тогда въ апогеѣ своего величія и славы. Трудно представить себѣ болѣе избалованнаго литератора и съ болѣшими претензіями, чѣмъ былъ въ то время Гоголь. Вся Россія любитъ во всемъ пересолить; Москва еще больше. Московскіе друзья Гоголя, точнѣе сказать приближенные (дѣйствительнаго друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь) окружали его неслышаннымъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Онъ находилъ у кого-нибудь изъ нихъ, во всякій свой пріѣздъ въ Москву, все что нужно для самаго спокойнаго и комфортабельнаго житія: столъ съ блюдами, которыя онъ наиболѣе любилъ; тихое, уединенное помѣщеніе и прислугу, готовую исполнять всѣ его малѣйшія прихоти. Этой прислугѣ съ утра до ночи строго внушалось, чтобъ она отнюдь не входила въ комнату гостя безъ требованія съ его стороны; отнюдь не дѣлала ему никакихъ вопросовъ; не подглядывала (сохрани Богъ!) за нимъ. Всѣ домашніе снабжались подобными-же инструкціями. Даже близкіе знакомые хозяина, у кого жилъ Гоголь, должны были знать, какъ вести себя, если неравно съ нимъ встрѣтятся и заговорять. Имъ сообщалось, между прочимъ, что Гоголь терпѣть не можетъ говорить о литературѣ, въ особенности о своихъ произведеніяхъ, а потому никоимъ образомъ нельзя обременять его вопросами: „что онъ теперь пишетъ?“ а равно: „куда поѣдетъ?“ или: „откуда пріѣхалъ?“ И этого онъ также не любилъ. Да и вообще-моль подобные вопросы въ разговорѣ съ нимъ не ведутъ ни къ чему: онъ отвѣтитъ уклончиво, или ничего не отвѣтитъ. Ѣдетъ въ Малороссію,

скажетъ: въ Римъ; ѣдетъ въ Римъ, скажетъ: въ деревню къ такому у то . . . стало-быть, зачѣмъ понапрасну безпокоить!

Я достаточно былъ „намуштрованъ“ по этой части и какъ-то такъ сжился съ понятіями московскихъ друзей Гоголя, что къ нему нужно относиться именно такъ, какъ они относились, что это было для меня въ высшей степени естественно и просто. Шумъ имени Гоголя, эффектъ его приѣздовъ въ Москву (по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ кружкахъ), желаніе многихъ взглянуть на него хоть въ щелку—все это производило на меня въ ту пору весьма сильное впечатлѣніе. Признаюсь: подходя къ двери, за которою я долженъ былъ увидѣть Гоголя, я почувствовалъ не меньше волненія, съ какимъ, одиннадцать лѣтъ спустя, подходилъ въ первый разъ къ двери марсальскаго героя.

Гостиная была уже полна. Одни сидѣли, другіе стояли, говоря между собою. Ходилъ только одинъ, небольшого роста человѣкъ, въ черномъ сертукѣ и брюкахъ, похожихъ на шаровары, остриженный въ свобку, съ небольшими усиками, съ быстрыми и пронизательными глазами темнаго цвѣта, нѣсколько-блѣдный. Онъ ходилъ изъ угла въ уголь, руки въ карманы, и тоже говорилъ. Походка его была оригинальная, мелкая, невѣрная, какъ-будто одна нога старалась заскочить постоянно впередъ, отчего одинъ шагъ выходилъ какъ-бы шире другаго. Во всей фигурѣ было что-то несвободное, сжатое, скомканное въ кулакъ. Нивакого размаху, ничего открытаго нигдѣ, ни въ одномъ движеніи, ни въ одномъ взглядѣ. Напротивъ взгляды, бросаемые имъ то туда, то сюда, были почти-что взглядами изъ-подлобья, наискось, мелькомъ какъ-бы лукаво, не прямо другому въ глаза, стоя передъ нимъ лицомъ къ лицу. Для знакомаго немного съ фізіономіями хохловъ—хохоль былъ тутъ виднѣнъ съ разу. Я сейчасъ сообразилъ, что это Гоголь, больше такъ, чѣмъ по какому-либо портрету. Замѣчу здѣсь, что ни одинъ изъ существующихъ портретовъ Гоголя не передаетъ его какъ надо. Лучшій—это литографія Горбунова съ портрета Иванова, въ халатѣ *).

*) Исторія этого портрета можетъ быть рассказана, какъ черта Гоголева характера. М. П. Погодинъ постоянно просилъ своего пріятеля о портретѣ тотъ обѣщалъ. Проходили однакоже дни, мѣсяцы, годы—портрета не было. Однажды, послѣ отъѣзда Гоголя изъ Москвы, отъѣзда, какъ всѣ его отъѣзды внезапнаго, таинственнаго, безъ всякихъ проводовъ нашли въ номерѣ, гдѣ онъ жилъ, какъ-бы забытый портретъ. Общій голосъ присудилъ отдать его М. П. П., какъ виновнику того, что портретъ, такъ или иначе, явился. По чему-бы не отдать руками? Почему портретъ не конченъ? Почему это только эскизъ, набросанный кое-какъ, когда торопятъ, грозятъ уйти, не сидятъ спокойно? Во всемъ этомъ, во всѣхъ этихъ мудреныхъ продѣлкахъ Гоголь ри-

лучше оригинала; что до сходства: лучше передала эту хитрую; чумацкую улыбку — не улыбку, этотъ смѣхъ мудренаго хохла какъ-бы надъ цѣломъ міромъ... Гоголевская мина вообще схвачена вѣрнѣе всего въ очеркѣ Э. А. Мамонова, сдѣланномъ наизусть. Но этотъ очеркъ страдаетъ недостатками, свойственными произведеніямъ такого рода: многое невѣрно, носъ длиннѣе, чѣмъ былъ у Гоголя; онъ такъ длиненъ, какъ Гоголь (одно время занимавшійся своею фізіономіею) его воображалъ. Волосы не совсѣмъ такъ. Зато галстукъ повязанъ точь-въ-точь какъ повязывалъ его Гоголь.

Хозяинъ представилъ меня. Гоголь спросилъ: „долго-ли вы въ Москвѣ?“ — И когда узналъ, что я живу въ ней постоянно, замѣтилъ: „ну, стало-быть наговоримся, натолкуемся еще!“ — Это была обыкновенная его фраза при встрѣчахъ со многими, фраза, ровно ничего незначившая, которую онъ тутъ-же и забывалъ.

Въ обѣдъ, за который мы всѣ скоро сѣли, Гоголь говорилъ немного, вещи самыя обыденныя.

Затѣмъ я сталъ видать его у разныхъ знакомыхъ славянофильскаго кружка. Онъ держалъ себя большею частію въ сторонѣ отъ всѣхъ. Если онъ сидѣлъ и къ нему подсаживались съ умысломъ „потолюковать, узнать: не пишетъ-ли онъ чего-нибудь новаго?“ — онъ начиналъ дремать, или глядѣть въ другую комнату, или просто — за-просто вставалъ и уходилъ. Онъ измѣнялъ обыкновеннымъ своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался одинъ малороссіянинъ, членъ того-же славянофильскаго кружка. Какимъ-то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ ко другу: они усаживались въ уголъ и говорили нерѣдко между собою цѣлый

суется едвали не больше, чѣмъ на портретѣ, какъ-бы забытомъ имъ въ Москвѣ, когда онъ уѣзжалъ куда-то. Наконецъ и то: почему портретъ рисовалъ Ивановъ, живописецъ вовсе не портретный?...

О портретѣ работы Моллера (опять-таки не портретиста) слышалъ я, что онъ заказанъ былъ Гоголемъ для отсылки въ Малороссію, къ матери, послѣ убѣдительныхъ просьбъ цѣлаго его семейства. Гоголь повидимому думалъ тогда, какъ-бы сняться покрасивѣе; надѣлъ сюртукъ, въ какомъ никогда его не видали, ни прежде, ни послѣ; растанулъ по жилету невѣроятную бисерную цѣпочку; сѣлъ прямо, можетъ быть для того, чтобъ спрятать отъ потомковъ сколь возможно болѣе свой длинный носъ, который, впрочемъ, былъ не особенно длиненъ.

Опубликованіе портрета Гоголя, сдѣланное друзьями безъ его вѣдома, взбѣсило его. Онъ долго не могъ забыть этого и въ такъ-называемомъ завѣщаніи, въ ст. VII, говоритъ: «Завѣщаю.... Но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ»....

Н. В.

вечеръ, горячо и одушевленно, какъ Гоголь (при мнѣ по крайней мѣрѣ) ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великоруссовъ.

Если-жъ не было малороссіянина, о которомъ я упомянулъ, — появленіе Гоголя на вечерѣ, иной разъ нарочно для него устроенномъ, было почти всегда минутное. Пробѣжить по комнатамъ, взглянуть; посидить гдѣ-нибудь на диванѣ, большую частію совершенно одинъ; скажетъ съ инымъ пріятелемъ два-три слова, изъ благопріятія, небрежно, Богъ-вѣсть гдѣ летая въ то время своими мыслями — и былъ таковъ.

Ходилъ онъ вѣчно въ одномъ и томъ-же черномъ сюртукѣ и шароварахъ. Бѣлья не было видно. Во фракѣ, я думаю, видали Гоголя немногіе. На головѣ, сколько могу припомнить, носилъ онъ большую частію шляпу, лѣтомъ — сѣрую, съ большими полями.

Однажды, кажется въ томъ-же 1848 году, зимой, былъ у Погодина вечеръ, на которомъ Щепкинъ читалъ что-то изъ Гоголя. Гоголь былъ тутъ же. Просидѣвъ совершеннымъ истуканомъ, въ углу, рядомъ съ читавшимъ, часъ или полтора, со взглядомъ, устремленнымъ въ неопредѣленное пространство, — онъ всталъ и скрылся...

Впрочемъ, положеніе его въ тѣ минуты было точно затруднительное: читалъ не онъ самъ, а другой; между-тѣмъ вся зала смотрѣла не на читавшаго, а на автора, какъ бы говоря: „А! вотъ ты какой, господинъ Гоголь, написавшій намъ эти забавныя вещи!“

Другой разъ было назначено у Погодина-же чтеніе комедіи Островскаго Свои люди сочтемся *), тогда еще новой, надѣлавшей значительнаго шума во всѣхъ литературныхъ кружкахъ Москвы и Петербурга, а потому слушающихъ собралось довольно: актеры, молодые и старыя литераторы, между прочимъ графиня Ростопчина, только-что появившаяся въ Москвѣ послѣ долгаго отсутствія и обращавшая на себя немалое вниманіе. Гоголь былъ званъ также, но пріѣхалъ среди чтенія; тихо подошелъ къ двери и сталъ у притокови. Такъ и простоялъ до конца, слушая повидимому внимательно.

Послѣ чтенія онъ не проронилъ ни слова. Графиня подошла къ нему и спросила: „Что вы скажете, Николай Васильевичъ?“ — „Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно-бы подлиннѣе, а этотъ повороче. Эти законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить“.

Больше ничего онъ не говорилъ, кажется, ни съ кѣмъ, во весь тотъ вечеръ. Къ Островскому, сколько могу припомнить, не подходилъ ни разу. Послѣ однако я имѣлъ случай не разъ замѣтить, что

*) Она носила тогда названіе: Банкротъ.

Гоголь цѣнить его талантъ и считаетъ его, между московскими литераторами, самымъ талантливымъ. Разъ, въ день его именинъ, которыя справлялъ онъ, въ бытность свою въ Москвѣ, постоянно у Погодина въ саду, — ѣхали мы съ Островскимъ откуда-то вмѣстѣ на дрожжахъ и встрѣтили Гоголя, направлявшагося къ Дѣвичьему полю. Онъ соскочилъ со своихъ дрожжекъ и пригласилъ насъ къ себѣ на именины; мы тутъ-же и повернули за нимъ. Обѣдъ, можно сказать, въ исторической аллеѣ, гдѣ я видѣлъ потому много памятныхъ для меня другихъ обѣдовъ съ литературнымъ значеніемъ, — прошелъ самымъ обыкновеннымъ образомъ. Гоголь былъ ни веселъ, ни скученъ. Говорилъ и хохоталъ болѣе всѣхъ Хомяковъ, читавшій намъ, между прочимъ, знаменитое объявленіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ *) о волкахъ съ бѣлыми лапами, явившееся въ тотъ день. Были: молодые Аксаковы, Кошелевъ, Шевыревъ, Максимовичъ...

Графиня Ростопчина завела въ томъ году субботніе литературные вечера, на которыхъ бывали всѣ молодые московскіе литераторы того времени. Изъ прежнихъ являлся изрѣдка одинъ Погодинъ. Впрочемъ, разъ я видѣлъ тамъ еще Н. Ф. Павлова. Гоголь не заглянулъ почему-то ни разу, не смотря на старое знакомство съ хозяйкой, у которой, по ея словамъ, очень часто бывалъ въ Римѣ. Ему первому прочла она своего Барона. Гоголь выслушалъ очень внимательно и просилъ повторить. Послѣ того сказалъ: „пошлите безъ имени въ Петербургъ: не поймутъ и напечатаютъ“ **). Она такъ и сдѣлала. Понялъ или нѣтъ тотъ, кто получилъ, этого я не знаю, но стихи были напечатаны и прошли нисколько незамѣченные большинствомъ. Тѣмъ Наполеона видѣли въ рисункѣ немногіе. Когда явилось истолкованіе за границей, полиціи было приказано отобрать гдѣ можно курьезный листокъ и это послужило къ бѣльшему распространенію и славѣ сказанныхъ стиховъ.

Въ слѣдующемъ 1850 году я видалъ Гоголя чаще всего у Шевырева. Говорили, что онъ пишетъ второй томъ Мертвыхъ Душъ, но никому не читаетъ, или ужъ крайне-избраннымъ. Вообще, въ это время, въ этотъ послѣдній періодъ жизни Гоголя въ Россіи, очень рѣдко можно было услышать его чтеніе. Какъ онъ былъ избалованъ тогда относительно этого и какъ раздражителемъ, достаточно покажетъ слѣдующій случай. Одно весьма близкое къ Гоголю семейство, старые, многолѣтніе друзья, упросили его прочесть что-то изъ „второго тома“. Приняты были всѣ извѣстныя мѣры, чтобы не произошло

*) 9-го мая 1849 года.

**) Я слышалъ это отъ самой графини.

какой помѣхи. Отпить заранѣе чай, удалена прислуга, которой приказано болѣе безъ зова не входить; забыли только упредить няньку, чтобы она не являлась въ обычный часъ съ дѣтьми прощаться. Едва Гоголь усѣлся и водворилась вождедѣнная тишина — дверь скрипнула и нянька, съ вереницею ребятъ, не примѣчая никакихъ знаковъ и маханій, пошла отъ отца къ матери, отъ матери къ дядюшкѣ, отъ дядюшки къ тетюшкѣ... Гоголь смотрѣлъ-смотрѣлъ на эту патріархальную процедуру вечерняго прощанія дѣтей съ родителями, сложилъ тетрадь, взялъ шляпу и уѣхалъ. Такъ рассказывали.

Въ ту эпоху слышалъ Гоголя читающимъ чаще другихъ Шевыревъ, чуть-ли не самый ближайшій къ нему изъ всѣхъ московскихъ литераторовъ. Онъ завѣдывалъ обыкновенно продажей сочиненій Гоголя. У него же хранились и деньги Гоголя; между прочимъ былъ ввѣренъ какой-то особый капиталъ, изъ котораго Шевыревъ могъ, по своему усмотрѣнію, помогать бѣднымъ студентамъ, не говоря никому, чьи это деньги. Я узналъ объ этомъ отъ Шевырева только по смерти Гоголя. Наконецъ, Шевыревъ исправлялъ, при изданіи сочиненій Гоголя, даже самый слогъ своего пріятеля, какъ извѣстно, не особенно заботившагося о грамматикѣ. Однако, исправивъ, долженъ былъ все-таки показать Гоголю, что и какъ исправилъ, разумѣется, если авторъ былъ въ Москвѣ. При этомъ случалось, что Гоголь скажетъ: „нѣтъ, ужъ оставь по прежнему!“ Красота и сила выраженія иного живаго оборота для него всегда стояли выше всякой грамматики.

Жилъ въ то время Гоголь крайне тихо и уединенно у графа Толстаго (что послѣ былъ оберъ-прокуроромъ) въ домѣ Талызина, на Никитскомъ бульварѣ, занимая переднюю часть нижняго этажа, окнами на улицу; тогда-какъ самъ Толстой занималъ весь верхъ. Здѣсь за Гоголемъ ухаживали какъ за ребенкомъ, предоставивъ ему полную свободу во всемъ. Онъ не заботился ровно ни о чемъ. Обѣды, завтракъ, чай, ужинъ, подавались тамъ, гдѣ онъ прикажетъ. Бѣлье его мылось и укладывалось въ комоды невидимыми духами, если только не надѣвалось на него тоже невидимыми духами. Кромѣ многочисленной прислуги дома служилъ ему, въ его комнатахъ, собственный его человекъ, изъ Малороссіи, именовъ Семень, парень очень молодой, смиренный и чрезвычайно преданный своему барину. Тишина во флигелѣ была необыкновенная. Гоголь либо ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголъ, либо сидѣлъ и писалъ, катая шарики изъ бѣлаго хлѣба, про которые говорилъ друзьямъ, что они помогаютъ разрѣшенію самыхъ сложныхъ и трудныхъ задачъ. Одинъ другъ собралъ этихъ шариковъ цѣлыя вороха и хранить благоговѣнно... Когда писаніе утомляло или надоѣдало, Гоголь подымался наверхъ, къ хозяйну, не то—

надѣвалъ шубу, а лѣтомъ испанскій плащъ, безъ рукавовъ, и отправлялся пѣшкомъ по Никитскому бульвару, большою частію налѣво изъ воротъ. Мнѣ было весьма легко дѣлать эти наблюденія, потому что я жилъ тогда какъ-разъ напротивъ, въ зданіи коммерческаго банка.

Писалъ онъ въ то время очень вяло. Машина портилась съ каждымъ днемъ больше и больше. Гоголь становился мрачнѣе и мрачнѣе...

Однажды, кажется у Шевyreва, кто-то изъ гостей, не смотря на принятую всѣми знавшими Гоголя систему не спрашивать его ни о чемъ, особенно о литературныхъ работахъ и предпріятіяхъ,—не удержался и замѣтилъ ему, „что это онъ смолье: ни строки, вотъ уже сколько мѣсяцевъ сряду!“—Ожидали простаго молчанія, какимъ отдѣлывался Гоголь отъ подобныхъ вопросовъ, или ничего незначащаго отвѣта. Гоголь грустно улыбнулся и сказалъ: „Да! какъ странно устроенъ человекъ: дай ему все, чего онъ хочетъ, для полнаго удобства жизни и занятій, тутъ-то онъ и не станетъ ничего дѣлать; тутъ-то и не пойдетъ работа!“

Потомъ, помолчавши немного, онъ сообщилъ слѣдующее:

„Со мною былъ такой случай: ѣхалъ я разъ между городками Джансано и Альбано *), въ іюлѣ мѣсяцѣ. Среди дороги, на бугрѣ, стоитъ жалкій трактиръ, съ билльямомъ въ главной комнатѣ, гдѣ вѣчно гремятъ шары и слышится разговоръ на разныхъ языкахъ. Всѣ проѣзжающіе мимо непремѣнно тутъ останавливаются, особенно въ жаръ. Остановился и я. Въ то время я писалъ первый томъ Мертвыхъ Душъ и эта тетрадь со мною не разставалась. Не знаю почему, именно въ ту минуту, когда я вошелъ въ этотъ трактиръ, захотѣлось мнѣ писать. Я велѣлъ дать столикъ, усѣлся въ уголь, досталъ портфель и подъ громъ катаемыхъ шаровъ, при невѣроятномъ шумѣ, бѣготнѣ прислуги, въ дыму, въ душной атмосферѣ, забылся удивительнымъ сномъ и написалъ цѣлую главу, не сходя съ мѣста. Я считаю эти строки одними изъ самыхъ вдохновенныхъ. Я рѣдко писалъ съ такимъ одушевленіемъ. А вотъ теперь нието кругомъ меня не стучать, и не жарко, и не дымно“....

Въ другой разъ, въ принадлежъ подобной литературной откровенности, тоже кажется у Шевyreва, Гоголь разсказалъ при мнѣ, какъ онъ обыкновенно пишетъ, какой способъ писать считаетъ лучшимъ.

„Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя-бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само-собой) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не

*) Въ Папской области.

такъ, много лишняго, а кое-чего и недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ — и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста — взять отдѣльный ключекъ и приклеить съ боку. Когда все будетъ такимъ образомъ исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственно-ручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. Между прежнихъ вскочать слова, которыя необходимо тамъ должны быть, но которыя почему-то нивагъ неявляются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть пишите другое. Придетъ часъ: вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ-же способомъ и когда снова она будетъ измарана, перепишите ее собственно-ручно. Вы замѣтите при этомъ, что вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой, очисткой фразъ — какъ-бы крѣпчаетъ и ваша рука; буквы ставятся тверже и рѣшительнѣе. Такъ надо дѣлать по-моему восемь разъ. Для иного, можетъ быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я дѣлаю восемь разъ. Только послѣ восьмой переписки, непремѣнно собственной рукою, трудъ является вполне художественски законченнымъ, достигаетъ перла созданія. Дальнѣйшія поправки и пересматриванье, пожалуй, испортятъ дѣло; чтó называется у живописцевъ: зарисуешь-ся. Конечно, слѣдовать постоянно такимъ правиламъ нельзя, трудно. Я говорю объ идеалѣ. Иное пустышь и скорѣе. Человѣкъ все-таки человѣкъ, а не машина“.

Писалъ Гоголь довольно красиво и разборчиво, большею частью на бѣлой почтовой бумагѣ большого формата. Такими бывали по крайней мѣрѣ послѣднія, доведенныя до полной отдѣлки его рукописи.

Разъ я видѣлъ Гоголя въ большомъ московскомъ театрѣ, во время представленія Ревизора. Хлестакова игралъ Шумскій; городничаго Щепкинъ. Гоголь сидѣлъ въ первомъ ряду, противъ середины сцены, слушалъ внимательно и разъ, или два хлопнулъ. Обыкновенно (какъ я слышалъ отъ его друзей) онъ бывалъ не слишкомъ доволенъ обстановкой своихъ пьесъ и ни одного Хлестакова не признавалъ вполне разрѣшившимъ задачу. Шумскаго чуть-ли не находилъ онъ лучшимъ. — Щепкинъ игралъ въ его пьесахъ, по его мнѣнію, хорошо. Это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Гоголю людей. Всѣ почти пьесы Гоголя шли въ бенефисы Щепкина и потому не дали автору ничего ровню.

Въ 1851 году мнѣ случилось жить съ Гоголемъ на дачѣ у Шевырева, верстахъ въ 20-ти отъ Москвы, по рязанской дорогѣ. Какъ называлась эта дача, или деревня, не припомню. Я приѣхалъ прежде, по приглашенію хозяина, и мнѣ былъ предложенъ для житья уединенный флигель, окруженный старыми соснами. Гоголя совсѣмъ не

ждали. Вдругъ, въ тотъ же день послѣ обѣда, подкатила къ крыльцу наемная карета на парѣ сѣрыхъ лошадей и оттуда вышелъ Гоголь, въ своемъ испанскомъ плащѣ и сѣрой шляпѣ, нѣсколько запыленный.

Въ домѣ былъ я одинъ. Хозяева гдѣ-то гуляли. Гоголь вошелъ балконной дверью, довольно живо. Мы расцѣловались и сѣли на диванъ. Гоголь не преминулъ сказать обычную свою фразу: „ну, вотъ теперь наговоримся: я приѣхалъ сюда позитить!“....

Явившійся хозяинъ просилъ меня уступить Гоголю флигель, котораго я не успѣлъ даже и занять. Мнѣ отвели комнату въ домѣ, а Гоголь перебрался ту же минуту во флигель со своими портфелями. Людямъ, какъ водится, было запрещено ходить къ нему безъ зову и вообще не вертѣться безъ толку около флигеля. Анахоретъ продолжалъ писать второй томъ Мертвыхъ Душъ, вытягивая изъ себя клещами фразу за фразой. Шевыревъ ходилъ къ нему и они вмѣстѣ читали и перечитывали написанное. Это дѣлалось съ такою таинственностью, что можно было думать, что во флигелѣ, подъ сѣнію старыхъ сосенъ, сходятся заговорщичи и варятъ всякія зелья революціи. Шевыревъ говорилъ мнѣ, будто-бы написанное несравненно выше перваго тома. Увы! дружба сильно увлеклась...

Къ завтраку и къ обѣду Гоголь являлся не всегда, а если и являлся, то сидѣлъ почти не дотрогиваясь ни до одного блюда и глотая по временамъ какія-то пилюльки. Онъ страдалъ тогда разстройствомъ желудка: былъ постоянно скученъ и вялъ въ движеніяхъ, но нисколько не худъ на лицо. Говорилъ немного и тоже какъ-то вяло и неохотно. Улыбка рѣдко мелькала на его устахъ. Взоръ потерялъ прежній огонь и быстроту. Словомъ, это были уже развалины Гоголя, а не Гоголь.

Я уѣхалъ съ дачи прежде и не знаю, долго-ли тамъ оставался Гоголь. Лѣто того года я прожилъ у себя въ деревнѣ и когда воротился въ Москву, то услышалъ, что Гоголемъ написано уже одиннадцать главъ втораго тома, но онъ все ими недоволенъ, все поправляетъ и переписываетъ.... вѣроятно, переписка этихъ одиннадцати главъ повторилась болѣе восьми заѣтныхъ разъ.

Зимой, въ концѣ 1851 и въ началѣ 1852 года здоровье Гоголя разстроилось еще больше. Впрочемъ, онъ постоянно выходилъ изъ дому и бывалъ у своихъ знакомыхъ. Но около половины февраля захирѣлъ не на шутку и слегъ. По крайней мѣрѣ уже его не видно было пробирающимся по Никитскому и Тверскому бульварамъ. Само собою разумѣется, что всѣ лучшіе врачи не отходили отъ него, въ томъ числѣ былъ и самъ знаменитый А. И. Оверъ. Онъ нашелъ нужнымъ поставить клистиръ и предложилъ сдѣлать это лично. Гоголь согласился, но когда приступили къ исполненію, онъ закричалъ не-

истовнымъ голосомъ и объявилъ рѣшительно, что мучить себя не позволить, что бы тамъ ни случилось. „Случится то, что вы умрете!“ сказалъ Оверъ. — Ну что-жъ! — отвѣчалъ Гоголь: я готовъ... я уже слышалъ голоса...

Все это передавали мнѣ окружавшіе въ то время Гоголя. Онъ все-таки не казался такъ слабъ, чтобъ, взглянувъ на него, можно было подумать, что онъ скоро умретъ. Онъ нерѣдко вставалъ съ постели и ходилъ по комнатѣ, совершенно такъ, какъ-бы здоровый. Посѣщенія друзей, повидимому, болѣе отягощали его, чѣмъ приносили ему какое-либо утѣшеніе. Шевыревъ жаловался мнѣ, что онъ принимаетъ самыхъ ближайшихъ къ нему ужъ черезъ-чуръ по-царски; что свиданія ихъ стали похожи на аудіенціи. Черезъ минуту, послѣ двухъ-трехъ словъ, ужъ онъ дремлетъ и протягиваетъ руку: „извини! дремлется что-то!“ — А когда гость уѣзжалъ, Гоголь тутъ-же вскакивалъ съ дивана и начиналъ ходить по комнатѣ.

Къ сочиненію своему онъ сталъ относиться въ это время еще болѣе подозрительно, только съ другой, религіозной стороны. Ему воображалось, что можетъ быть тамъ заключается что-нибудь опасное для нравственности читателей, способное ихъ раздражить, разстроить. Въ этихъ мысляхъ, приблизительно за недѣлю до кончины, онъ сказалъ своему хозяину, Толстому: „я скоро умру; свежи пожалуйста эту тетрадь къ митрополиту Филарету и попроси его прочитать, а потомъ, согласно его замѣчаніямъ, напечатай“.

Тутъ онъ передалъ графу довольно большую пачку бумагъ, въ видѣ нѣсколькихъ тетрадей, сложенныхъ вмѣстѣ и перевязанныхъ шнуркомъ. Это было одиннадцать главъ второго тома Мертвыхъ Душъ. Толстой, желая откинуть отъ пріятеля всякую мысль о смерти, не принявъ рукописи и сказалъ: „помилуй! ты такъ здоровъ, что можешь быть завтра или послѣ-завтра самъ свезешь это къ Филарету и выслушаешь отъ него замѣчанія лично“.

Гоголь какъ-будто успокоился, но въ ту-же ночь, часу въ третьемъ, всталъ съ постели, разбудилъ своего Семена и велѣлъ затопить печь. Семень отвѣчалъ, что надо прежде открыть трубу наверху, во второмъ этажѣ, гдѣ всѣ спятъ: перебудитъ! „Поди туда босикомъ и открой такъ, чтобы никого не будить!“ сказалъ Гоголь. Семень отправился и дѣйствительно открылъ трубу такъ осторожно, что никто не слышалъ, и воротясь, затопилъ печь. Когда дрова разгорѣлись, Гоголь велѣлъ Семену бросить въ огонь ту связку бумагъ, которую утромъ отдавалъ Толстому. Семень говорилъ намъ послѣ, будто бы онъ умолялъ барина на колѣняхъ не дѣлать этого, но ничто не помогло: связка была брошена, но никакъ не загоралась. Обгорѣли только

углы, а середина была цѣла. Тогда Гоголь досталъ связку кочергой и отдѣливъ тетрадь отъ тетради, бросалъ одну за другой въ печь. Такъ рукопись, плодъ столькихъ тягостныхъ усилій и трудовъ, гдѣ несомнѣнно были многія прекрасныя страницы, сгорѣла.

Была-ли это минута просвѣтленія, минута высокаго торжества духа надъ тѣломъ, убаюканнымъ льстивыми словами недалёковидныхъ и добродушныхъ друзей,—минута, когда великій художникъ проснулся въ слабость, отходящемъ въ иную жизнь человѣкѣ, и сказалъ: „нѣтъ! это не то, что нужно... задача не выполнена: сожги!“ — Или это была совсѣмъ другая минута, — минута умственного разстройства? Я готовъ стоять за первое...

Подвигъ (если это былъ подвигъ) совершился однако же не вполне: въ шкапу нашлись потомъ наброски Гоголя, приведенные въ нѣкоторую полноту и довольно чисто переписанные рукою самого Гоголя на большихъ почтовыхъ листахъ. Забылъ онъ объ этихъ тетрадяхъ, что-ли, или оставилъ ихъ умышленно?...

21 февраля Гоголя не стало. Объ этомъ быстро узналъ весь городъ. Скульпторъ Рамазановъ снялъ ту же минуту съ покойнаго маску. Кто-то положилъ лавровый вѣнокъ. Двое неизвѣстныхъ мнѣ художниковъ сдѣлали очеркъ лица покойнаго, въ гробу, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Эти листки ходили по Москвѣ. Но грубая спекуляція, а можетъ и просто глупость, выпустила тогда-же въ свѣтъ нелѣпую литографію, изображавшую сожженіе рукописи: Гоголь сидитъ, въ халатѣ, передъ пылающимъ каминомъ, мрачный, со впалыми щеками и глазами. Подлѣ стоитъ на колѣняхъ Семенъ. Сзади подбирается смерть, съ изогнутыми атрибутами. Рукопись пожирается пламенемъ...

Похороны были торжественныя. Нѣкоторые изъ знакомыхъ Гоголя вынесли гробъ на плечахъ. Въ томъ числѣ находился и я. Снѣгъ былъ чрезвычайно глубокъ, при легкомъ морозѣ. У Никитскихъ воротъ мы передали гробъ студентамъ, которые шли кругомъ вучами и постоянно просились насъ замѣнить. Студенты донесли гробъ до своей церкви, считавшейся въ то время самой аристократической и модной. Тамъ произошло отгѣваніе. Въ числѣ многихъ официальныхъ лицъ высшаго круга я видѣлъ попечителя московскаго учебнаго округа, генералъ-адъютанта Назимова, въ полной формѣ. Изъ университетской церкви гробъ понесли также на рукахъ вплоть до кладбища, въ Даниловъ монастырь, версть 6—7. Тутъ я опять увидѣлъ Назимова, надъ самой могилой, когда въ нее опускали гробъ.

Гоголь положенъ неподалеку отъ Языкова. На гробницѣ написано изреченіе Ефрема Сирина: „горькимъ словомъ моимъ посмѣяся“....

Январь 1871. Варшава.

Н. В. Вергъ.